

Волостной писарь Киреев: судьба и мировоззрение

(По материалам Книги сделок и договоров
Червишевского волостного правления)

1. Почему?

Сегодня мы хотим предложить вниманию читателя обещанный в одном из предыдущих номеров рассказ о сельском интеллигенте, служившем в Червишевском волостном правлении в 1910–1915 гг., — Ефиме Яковлевиче Кирееве¹. Куда только не бросала его судьба! Был он в Восточной Сибири, жил и работал в селе Заводо-Успенском (Червишевская волость Тюменского уезда), воевал на фронтах первой мировой; человек грамотный и любознательный, скрупулёзный и ответственный. Но обо всём по порядку.

Почему мы считаем нужным рассказать об этом человеке — в сущности, мелком чиновнике, прожившем свою жизнь в одном из сотен и тысяч сибирских посёлков? Наш герой не совершал подвигов (по крайней мере, нам о них ничего неизвестно), не оставил после себя романов или поэм. Он не был учёным или предпринимателем, роль его в общественной жизни края (не говоря уже о стране) невелика, скорее, просто незаметна. Он был одним из тысяч таких же мелких чиновников и служащих, которым

судьба предназначала родиться и умереть в сибирской глуши. Именно поэтому мы и считаем волостного писаря Киреева достойным нашего рассказа.

Дело в том, что перед нами — типичный представитель такого интереснейшего слоя, каким была сельская интеллигенция России начала XX века. Скорее даже не слоя, а прослойки — настолько он был тонок. По всей необъятной Российской империи, в каждом захолустном селе, посёлке или деревне были свои Киреевы — писари, врачи, учителя, инженеры, телеграфисты. Эти люди нередко выходили из крестьянской среды, но, получив образование и впитав в себя европейскую, городскую культуру, становились чуждыми породившему их сообществу. Односельчане уже не понимали и потому не принимали их — людей, стремившихся к какой-то иной жизни, ищущих, рефлексирующих.

Крестьянское сознание изначально настроено на статичность. Время циклично, всё происходит, потому что должно произойти, и нет смысла спорить с традицией. За редким исключением, здесь нет места поискам смысла жизни, стрем-

¹ Соловьёва Ю. Случай из книги // Лукич. 2002. №3. С.200–205.

лению к самопознанию, преобразованию мира внутреннего и внешнего.

В таком окружении жили тысячи интеллигентов по всей России, и наш герой — яркий тому пример. В селе, населённом преимущественно бывшими каторжанами и их потомками, среди пролетарско-крестьянского окружения он был одинок. Не с кем было поговорить, обсудить полученные из города газеты, прочитанную книгу, просто пофилософствовать о жизни. Его собеседником становится книга.

Книга сделок и договоров Червишевского волостного правления велась им на протяжении нескольких лет. И здесь, между документами, а порой и просто на полях, в свободное от служебных занятий время (в промежутках между составлением очередного прошения или подписки) он делает свои бесчисленные записи. Среди них услышанные или прочитанные где-то (а может быть, и свои собственные?) мысли, афоризмы, каламбуры, исторические анекдоты, стихи. Впрочем, не следует представлять себе нашего героя совершенно оторванным от жизни мечтателем — нет. Среди философских размышлений находится место и практическим советам вроде рецептов сохранения картофеля или выведения тараканов. И в этом весь он — крестьянин-интеллигент, оторвавшийся от

породившей его среды, но так её и не покинувший.

Не будет преувеличением сказать, что в наших руках — уникальный источник, ценность которого именно в том, что он был создан типичным представителем своей среды. В архивных и музейных собраниях хранятся материалы личного характера, но, как правило, они принадлежат известным представителям науки или искусства, крупным общественным деятелям, предпринимателям. Мир же «маленького человека», как правило, остаётся нам недоступен, хотя именно такие люди во все времена творили историю. Что особенно важно, благодаря этой книге мы можем проследить одновременно две жизни Ефима Киреева — внешнюю, телесную, и внутреннюю, духовную. Перед нами — судьба и мировоззрение одной из миллионов песчинок истории. Начнём.

2. Судьба

Отец нашего героя — Яков Степанович Киреев, крестьянин с. Больше-Кусерякского Кротовской волости Ишимского уезда Тобольской губернии родился в середине XIX века, около 1840 года. Его жена Евфимья Андреевна была младше мужа лет на 10. В семье Киреевых выросло три сына: старший — Ефим, средний — Никита и, наконец, младший — Константин.

В начале XX в. семья проживала в селе Заводо-Успенском. Это было фабрично-заводское село, вся жизнь которого вращалась вокруг писчебумажной фабрики. В конце XVIII — середине XIX вв. здесь располагался винокуренный каторжный завод. После ликвидации каторги в 60-х гг. XIX в. завод закрыли, люди остались без работы. Одни стали разбойничать в окрестных лесах, другие просто покинули село. Ситуация изменилась после появления тарского купца I гильдии А.И. Щербакова, который оценил экономические возможности и открыл здесь в 1888 г. писчебумажную фабрику.

*И.И. Ятес, сын И.Е. Ятеса,
владельца Успенской писчебумажной
фабрики. г.Екатеринбург.
01.10.1908 г.*

Бумага пользовалась большим спросом, производство приносило крупные доходы. При Щербакове село стало развиваться, население увеличиваться. Однако со временем владелец фабрики столкнулся с трудностями: запасы тряпки, из которой делали бумагу, подошли к концу, кроме того, на горизонте появился конкурент — английский подданный по фамилии Ятес. К тому времени он был владельцем Сибирской писчебумажной фабрики на Урале. Надо сказать, что клан Ятесов был многочислен и известен в Сибири. У Фомы был Жабынский завод в Тюмени, у Ивана — Механический завод в Екатеринбурге, упомянутая писчебумажная фабрика на Урале. Ятесы состояли в родственных отношениях со многими известными в ту пору заводчиками: Гуллетами, Вардроперами, Памфиловыми.

Старожилы села рассказывали, что Щербаков проиграл фабрику в карты. Так или иначе, в 1902 г. полноправным хозяином в селе стал Иван Егорович Ятес. В Успенке он выстроил большой дом напротив фабрики, заказал из Англии тополя и высадил их аллеей вдоль пруда.

В 1913 г. в селе насчитывалось 603 мужских души. Все крестьяне трудились на фабрике, лишь немногие занимались собственно крестьянским трудом. Те, кто не работал непос-

редственно в цехах, зачастую так или иначе были связаны с производством, занимаясь заготовкой и транспортировкой сырья, сбытом произведенной продукции. Киреевы не были исключением: в 1910 году Никита и Константин трудились на фабрике у самочерпки², Яков Степанович был фабричным сторожем. В этом году ему было уже около 70 лет, но он продолжал работать. Тогда же с Яковом Степановичем произошёл случай, который серьёзно пошатнул его здоровье. Вечером 6 июня, в праздник Святой Троицы, он пошёл на работу, чтобы сменить товарища. Но не успел он далеко отойти от дома, как подвергся внезапному нападению.

На крик отца, схватив ружьё, на улицу выскочил Никита. Среди нападавших он узнал местных хулиганов: Петра Александровича Рыбакова, Якова Прокопьевича Семёнова и Афанасия Маркина. Все они не раз привлекались к суду за кражу и драки. Семёнов уже известен читателю по истории с Агафьей Шабуровой, рассказанной в «Лукиче». На этот раз нападавшие, увидев Никиту с ружьем в руках, разбежались. Однако Семёнов, убегая, успел ударить

*Военнослужащие царской армии.
Слева — Фёдоров С.П., уроженец
с. Заводо-Успенского, г. Омск.
26.12.1914 г.*

Якова Степановича стягом по голове. Фельдшер, осмотревший рану, установил серьёзность ранения, отметив, что оно может неблагоприятно сказаться на здоровье. Вероятно, он был прав, поскольку в документе от 1917 г., рассказывая о событиях двухлетней давности, Ефим называет себя единственным кормильцем в семье.

Евфимья Андреевна сильно болела, все заботы по содержа-

² Данный факт установлен на основании Табеля рабочих Успенской писчебумажной фабрики за август 1910 г. Этот документ был скомплектован авторами во время повторного посещения п. Заводо-Успенского (теперь это посёлок) в ходе историко-бытовой экспедиции Тюменского областного краеведческого музея, состоявшейся в июне 2002 г. «Книга сделок и договоров...» пополнила коллекции музея в результате экспедиции 2001 г.

нию дома легли на Ефима как старшего из сыновей. Проработав на фабрике некоторое время, он ушёл на заработки в Восточную Сибирь, откуда регулярно посылал домой деньги. В конце концов он вернулся в село, приблизительно в 1910 г. устроился писарем в Червишевское волостное правление. У Ефима был свой пятистенный дом, а в марте 1912 г. в нем появилась и хозяйка — Мария Матвеевна Созонова, крестьянка из деревни Царевской Черноковской волости Тобольского уезда. Переехав к нему с одним сундуком и несколькими платьями, Мария жила на средства мужа. Работать на фабрике ей не позволяло слабое здоровье. Жили душа в душу: он трудился в правлении, она хлопотала по хозяйству. Однако впереди их ожидало суровое испытание. Началась первая мировая война, 1 апреля 1915 г. Ефима призвали на военную службу как ратника ополчения I разряда. Он был отправлен в действующую армию, где нес службу в составе 1022-го военного пароконного транспорта. Узнав, что на протяжении последних лет он занимался письмоводством, командование назначило его младшим писарем старшего разряда.

Мария осталась ждать. Перед уходом на фронт, на случай своей смерти, он написал Марии домашнюю купчую на дом и имущество. Мария жила

хозяйством, однако урожай в 1915 г. был неудачный: «хлеб у нас очень плохой, изрос от дождя. Дешевле рубля наверно не будет», — писала она на фронт Ефиму.

Испытывая материальные затруднения, она решила обратиться за помощью в уездное попечительство о семьях воинов. Но в пособии ей отказали, объяснив, что она является незаконной женой. Ефим послал Марии «для пропитания скота и содержания хозяйства» из г. Ново-Николаевска Томской губернии 120 рублей. Деньгами она распорядилась очень экономно: из всей суммы потратила только 20 рублей, остальные положила в сберегательный банк на своё имя. Кроме этого, по настоянию Ефима она заложила в Тюменский городской ломбард его овчинный тулуп и суконную шубу.

Поддержать Марию было некому: своих родственников в селе у неё не было, родня Ефима её не принимала. Когда совсем стало трудно и она с разрешения мужа решила продать корову, «старуха» (мать Ефима) сильно препятствовала, хотела её совсем отобрать, дело дошло до суда. Часть селян была настроена против Марии, подерживая Евфимью Андреевну: «А Степан Дымской свидетельствуют, что корова старухина и Овчеренушко». Молодая женщина обратилась за советом к крестьянскому начальни-

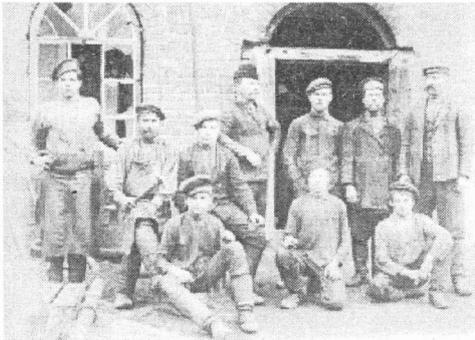
ку, который подтвердил, что все права на имущество у Марии «...и приказал, что ты её даже можешь не пускать к себе...». «Но не знаю, чья теперь возьмет...», — писала в отчаянии Мария. Тем не менее, она договорилась о продаже коровы за 40 рублей с Иваном Логиновым, но суд, на который Мария съездить не смогла, решил, что злополучная скотина принадлежит матери Ефима, поэтому покупка так и не состоялась. И бедная женщина осталась ни с чем.

На душе было нелегко: «Милый Ема, жизнь моя не спокойная, один только грех стоит у нас. От неприятности я болею и не могу ничего заработать, все добиваются, хочут в дом зайти...». Грех, о котором пишет Мария, — это обнаружившаяся беременность, о которой она узнала после ухода Ефима на фронт. Чувствовала себя плохо, иногда ей зап-

рещали вставать с постели, тогда она не имела возможности даже самостоятельно написать письмо и диктовала его Клане (дочери повара).

Односельчане называли жену фронтовика «скупой», писали Ефиму клеветнические письма. «Тебе писали обо мне всякую гадость, но ты не верь, не это у меня на уме, не пиши им ругательных писем, а то с их стороны будет злоба, приедешь, Бог даст, увидишь и скажешь им сам...». Все эти трудности и нападки неблагоприятно влияли на здоровье беременной женщины: «...все лето я не чувствую себя здоровой и мало работала... Все неприятности, недоразумения, это все и расстраивает и без того слабое здоровье...». Чтобы не оставаться совсем одной, она бесплатно поселила в их дом Трофима Мих. (Михайлова?) — «...коморщик бывший из сборной». Он помогал поддерживать хозяйство — «сделал к вышке створку, чтобы снег не попадал...».

Мария сильно скучала без Ефима: «...иногда очень хочется поговорить с тобой, хотя письменно, но и этого некоторое время нельзя было...». Обращаясь к нему «милый мой Ема», крестьянка каждый день вспоминала мужа, молилась, чтобы он остался живым и вернулся к ней навсегда,

Рабочие Успенской писчебумажной фабрики.
с. Заводо-Успенское. 1915 г.

подавала милостинку нищим за его здоровье. Она мечтала, что Ефим вернётся к ней с войны живой, здоровый и заживут они «тихо мирно, как жили до этой разлуки». Но этим мечтам не суждено было сбыться. 5 декабря 1915 года Мария умерла. Учитывая, что она тяжело переносила беременность, можно предположить, что женщина не перенесла тяжелых родов. О ребенке никаких сведений нет, скорее всего, он не выжил.

Подписывая купчую на дом и имущество, по которому Ефим якобы получил от Марии 100 рублей, он вряд ли мог предположить такой оборот дела. Но документ был обнаружен во время обыска дома и пущен в ход. 15 марта 1916 г. состоялась продажа имущества, в результате чего было выручено 369 рублей 80 копеек. Ефим получает известие о смерти Марии, когда продажа уже была совершена. Однако он не теряет надежду вернуть своё имущество, начав длительную борьбу с бюрократической машиной. В итоге в 1917 году дело было решено в его пользу.

Ефим благополучно вернулся с войны и продолжил

служить на поприще делопроизводства. По крайней мере, в сентябре 1927 г. он был табельщиком на Заводо-Успенской писчебумажной фабрике³. Повезло и его братьям — Никите и Константину. Активные сторонники советской власти, они принимали деятельное участие в организации выступлений против владельца фабрики Ятеса в 1919 г., однажды даже были арестованы и в числе других бунтовщиков отправлены в Тюмень⁴. Однако, благополучно пройдя через все испытания военных лет, с пуском фабрики они вернулись к станку. В сентябре 1927 г. Никита Киреев работал сеточником, Константин — старшим тряпковаром⁵.

Вот, пожалуй, и всё, что мы знаем о судьбе этого сельского интеллигента. Однако не менее интересно, на наш взгляд, окунуться в его внутренний мир, познакомиться с его системой морально-этических ценностей. Такую возможность дают нам записи личного характера, оставленные Ефимом на свободных полях книги, на страницах между документами.

Несмотря на изначальную условность такой реконструк-

³ Установлено на основании Табеля рабочих и служащих Успенской писчебумажной фабрики за сентябрь 1927 г., скомплектованного во время экспедиции 2002 г.

⁴ См. подробнее: Белов С.Л., Соловьёва Ю.А. Заводоуспенская писчебумажная фабрика в 1917–28 гг. — от революции до индустриализации // Ежегодник ТОКМ: 2001. Тюмень, 2002. С.193–214.

⁵ Табель рабочих и служащих Успенской писчебумажной фабрики за сентябрь 1927 г.

подавала милостинку нищим за его здоровье. Она мечтала, что Ефим вернётся к ней с войны живой, здоровый и заживут они «тихо мирно, как жили до этой разлуки». Но этим мечтам не суждено было сбыться. 5 декабря 1915 года Мария умерла. Учтивая, что она тяжело переносила беременность, можно предположить, что женщина не перенесла тяжелых родов. О ребенке никаких сведений нет, скорее всего, он не выжил.

Подписывая купчую на дом и имущество, по которому Ефим якобы получил от Марии 100 рублей, он вряд ли мог предположить такой оборот дела. Но документ был обнаружен во время обыска дома и пущен в ход. 15 марта 1916 г. состоялась продажа имущества, в результате чего было выручено 369 рублей 80 копеек. Ефим получает известие о смерти Марии, когда продажа уже была совершена. Однако он не теряет надежду вернуть своё имущество, начав длительную борьбу с бюрократической машиной. В итоге в 1917 году дело было решено в его пользу.

Ефим благополучно вернулся с войны и продолжил

служить на поприще делопроизводства. По крайней мере, в сентябре 1927 г. он был табельщиком на Заводо-Успенской писчебумажной фабрике³. Повезло и его братьям — Никите и Константину. Активные сторонники советской власти, они принимали деятельное участие в организации выступлений против владельца фабрики Ятеса в 1919 г., однажды даже были арестованы и в числе других бунтовщиков отправлены в Тюмень⁴. Однако, благополучно пройдя через все испытания военных лет, с пуском фабрики они вернулись к станку. В сентябре 1927 г. Никита Киреев работал сеточником, Константин — старшим тряпковаром⁵.

Вот, пожалуй, и всё, что мы знаем о судьбе этого сельского интеллигента. Однако не менее интересно, на наш взгляд, окунуться в его внутренний мир, познакомиться с его системой морально-этических ценностей. Такую возможность дают нам записи личного характера, оставленные Ефимом на свободных полях книги, на страницах между документами.

Несмотря на изначальную условность такой реконструк-

³ Установлено на основании Табеля рабочих и служащих Успенской писчебумажной фабрики за сентябрь 1927 г., скомплектованного во время экспедиции 2002 г.

⁴ См. подробнее: Белов С.Л., Соловьёва Ю.А. Заводоуспенская писчебумажная фабрика в 1917–28 гг. — от революции до индустриализации // Ежегодник ТОКМ: 2001. Тюмень, 2002. С.193–214.

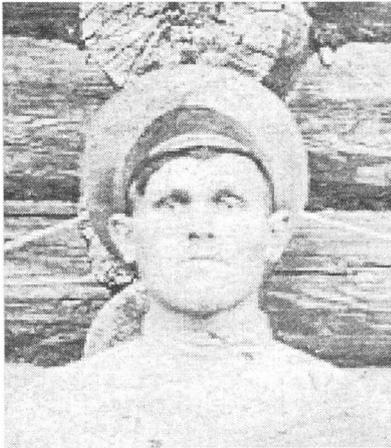
⁵ Табель рабочих и служащих Успенской писчебумажной фабрики за сентябрь 1927 г.

ции, мы с достаточно большой долей уверенности можем утверждать, что нам удалось реконструировать хотя бы отчасти если не личность нашего героя, то, по крайней мере, его мировоззрение.

3. Мировоззрение

Знание

Мы уже говорили о том, что Ефим был образованным человеком — имел два свидетельства об окончании курсов приходского и уездного училищ, а также «четыре документа о специальных занятиях». Неудивительно, что проблема познания — одна из центральных в его мировоззрении. XX век продолжил традиции предыдущего столетия, которое по праву можно назвать веком

Н.Я. Киреев, с. Заводо-Успенское.
1920 г. (?)

науки. Бурное развитие науки и техники, стремительный прогресс во всех областях знаний породили среди широких кругов образованного общества своего рода «научную эйфорию». Казалось, что наука в своём развитии безгранична и способна решить все стоящие перед обществом проблемы — бедность, болезни, преступность; ликвидировать социальные и национальные барьеры и предрассудки.

В этом всеобщем хоре оптимизма диссонансом звучат слова Киреева (пусть даже в виде цитаты): «Ученость для безнравственного человека есть то же, что хорошая пища для худого желудка»; «То, что мы знаем, ограничено, а то, что не знаем, бесконечно». И далее: «Мысль принадлежит тому, кто умеет ее применить к стати». Приоритет отдаётся не теоретическим познаниям, а, прежде всего, опыту, который, по мнению Киреева, и есть настоящее знание, просвещение; «Слов много затвердить/Не есть еще ученье/Нам нужны не слова/ Нам нужно просвещение»; «В жизни знание без опыта — зрячий на незнакомой дороге; а опыт без знания — слепец на знакомой ему стезе»; «Три пути ведут к знанию: путь размышления — это путь самый благородный, путь подражания — это путь самый легкий, и путь опыта — это путь самый горький». В науке наш герой ценит пре-

выше всего морально-этический аспект: «Нравственная польза науки заключается в том, что она убивает гордость ума, путём сомнения доводя его до сознания своего ничтожества»; «Знание людей делает нас юмористами, самопознание — сатириками».

Есть два рода любопытства: есть любопытство, побуждающее нас учиться тому, что может принести нам пользу, и есть любопытство из тщеславия, происходящее из желания знать то, чего другие не знают, и похвляться этим.

Религия

Скепсис Киреева по отношению к науке и её возможностям вполне объясняется христианской основой его мировоззрения. В извечном споре науки и религии он отдаёт предпочтение последней, возлагая большие надежды скорее на духовный, нежели на научно-технический прогресс. В противном случае, полагает он, само существование человека на земле теряет всякий смысл. «Тип верующего и итог неверия (неврастения). Он не знает, зачем он родился на свет Божий и для чего существует. Это не живой человек, а какой-то ходячий труп. Он ко всему относится безучастно и не знает ни радости, ни горя, ни злобы, ни вражды, ни любви. Такому человеку нужно жить для заботы о ближних, ради вод-

ворения счастья на земле? Но, не зная цели своего собственного существования, стоит ли заботиться о том, чтобы также бесцельно и бессмысленно существовали другие? Вот итог неверия». Свидетельством большого нравственного напряжения являются слова: «Не обижай, человек, своей души — этого великого в тебе живущего свидетеля».

Смысл жизни

«Дар случайный, дар бесценный/Жизнь — зачем ты нам дана?» — слова поэта как нельзя лучше отражают внутренние искания этого крестьянина-интеллекта. Что есть жизнь? Зачем она дана человеку? Этими вопросами он задаётся ежедневно, и размышления его также полны скепсиса. «В наше время закон борьбы признан законом жизни человеческой»; «Жизнь человеческая и события мира не что иное, как крупная игра, где дозволены все тонкости и уловки, чтобы завладеть добром ближнего, и где счастливый спокойно обирает менее счастливого или менее искусного».

В отличие от сторонников теорий социального дарвинизма или классовой борьбы, Кирееву жизнь представляется скорее в виде фортуны, слепого рока, а не закономерности: «Жизнь тасует нас, как карты, и только случайно, да и то ненадолго, мы попадаем на свое

место». Будучи натурой чувствительной, принимая близко к сердцу все несправедливости и жестокости мира, он по своему мироощущению скорее близок к буддизму, акцентируя внимание на человеческих желаниях и страданиях, из них вытекающих: «*Вся наша жизнь состоит из того, чего еще нет и чего уже нет — из желаний и сожалений*»; «*Страшно было бы жить, если подумать о всех бедах, какими усеяна человеческая жизнь*».

И вновь в поисках смысла жизни наш герой обращается к духовному миру человека: «*Ценность и достоинство жизни заключается не во внешности, а в сердце*». Однако не следует представлять его пассивным созерцателем. Наш сельский философ ценит именно действие, осмысленное и целенаправленное, основанное на глубоко внутреннем убеждении: «*Жизнь — не историю или комедию писать, а как можно лучше мыслить, чувствовать и действовать*». Жизненное кредо этого интеллигента наиболее ярко выражено в стихотворении безымянного автора:

Блажен, кто с верою святой
Мог к цели доблестной идти,
Кто непогодой и грозой
Задержан не был на пути.

Блажен, кому дана судьбою
Отвага мощного бойца.
Прекрасен лавр, рукой родною
Вплетенный в терн его венца.

*Е.Я. Киреев, с. Заводо-Успенское.
Около 1927–29 гг.*

Но не кори, страна родная,
И тех, кто пал на полпути,
И их, как мать, благословляя,
За их любовь к тебе прости.

Счастье

В свете вышесказанного неудивительно, что счастье представляется нашему герою чем-то неуловимым, призрачным, мимолётным. «*Человеческое счастье есть не что иное, как молния, которая блестит для того, чтобы возвестить о ударе грома*»; «*Об истинной любви и об счастье, как о привидениях, все говорят, но не многие их видели*»; «*Человек так долго мечтает о счастье, пока его не проспит*»; «*Счастье всегда бывает сном наяву*»; «*Мы все пьем из источника счастья дырявым сосудом: когда он доходит до наших уст, то бывает почти пуст*».

Между тем, для истинного счастья, по мнению нашего

сельского мыслителя, нужно не так уж много: «Для счастья нужно три вещи: здоровое тело, ум и чистое сердце». Главным препятствием на пути к этому ему видятся чрезмерность человеческих желаний в сочетании с бездеятельностью: «Многие из нас мечтают о счастье, но ничего для него не делают»; «Счастлив только тот, кто за свой кусок насущного хлеба обязан благодарить только Бога»; «Нам мешает быть счастливыми сильная зависть и мечта о том лучшем, до которого редко кто доживает». Подводя итог размышлениям Киреева о счастье, можно обратиться к мысли, рефреном звучащей во всех его рассуждениях: «Счастье и несчастье человека измеряются его личным о них понятием».

Деньги

В христианском ключе решается Киреевым и проблема достижения материальных благ: «Почитать человека следует не по знатности его происхождения, по происхождению знатности его»; «Самоунижение в бедности столько же постыдно, сколько и спесивость в богатстве». Богатство представляется ему скорее источником моральной опасности нежели благом: «Засыпь правду золотом, и она не всплывёт»; «Те, которые думают, что деньги делают все, способны сами сделать все за деньги».

О совести, трудолюбии... и не только о них

О простоте: «Самые важные вещи надо говорить как можно проще. Ничто так не портит их, как высокопарность».

О труде и лени: «Жалкое зрелище — это человек, которому делать нечего»; «Свободное время употребляйте на нравственные размышления и на познание окружающего вас».

О действии и бездействии: «Чтобы совершать великие дела, нужно жить так, как если бы никогда не должен был умереть»; «Люди, чересчур отдавшиеся маленьким делам, становятся не способными совершать большие».

Об уважении и самоуважении: «Уважение современников лучше удивления потомков»; «От недостатка уважения к себе происходит столько же пороков, сколько и от излишнего к себе уважения».

О словах и молчании: «Когда ты говоришь, слова твои должны быть лучше молчания».

О культуре: «Если поскрести нынешнюю культуру, то обнаружится варварство. Наша культура — тонкая кожа, лак сверху, а под ними — грубость суеверия, война всех против всех, война уничтожения, сильный, пожирающий слабого».

О воспитании: «Лучшее воспитание — то, которое научает человека самого себя воспитывать».

— Вы говорите, что у вашего отца два имения в Саратовской губернии?

— Да, и еще одно в Пензенской...

— О, как вы очаровательны!

Киреев интересовался историей, на страницах книги мы встречаем имена целого ряда исторических деятелей: Константина Великого, Людовика XII, Филиппа Македонского, Александра II. Обычно они предстают перед нами в качестве героев исторических анекдотов — жанра, столь популярного в то время.

О Людовике XII: Людовик XII, когда был герцогом, терпел много неприятностей от любимцев короля. Когда же вступил на престол, то его любимец советовал отомстить тем, от которых были обиды. «Недостойно королю мстить за обиды, оказанные герцогу», — отвечал Людовик.

О Николае I: Государю Николаю Павловичу встретился пьяный драгун, ехавший на извозчике. «Что ты делаешь?» — сказал Государь строго. «Пьяного драгуна на гауптвахту везу, Ваше Императорское Величество!» — последовал бойкий ответ. Государь рассмеялся, и тем дело кончилось.

Об Александре II: У императора Александра II был пудель, который никогда не отставал от него. Раз государь вышел на крыльцо, чтобы сесть в коляску и уехать, но кучер не торопился занять свое место. Император спросил у кучера, отчего тот до сих пор не на козлах. Тот преспокойно указал на пуделя и сказал: «Никак нельзя, ваше превосходительство, там их благородие сидят!» Государь рассмеялся и сказал: «А ты их благородие кнутиком».

Однажды внимание сельского мыслителя привлекла знакомая фамилия, побудившая его сделать следующую выписку: «А.А. Киреев, известный писатель-славянофил и богослов, генерал от кавалерии, родился в Москве 26 октября 1833 года. Николай I, принимавший живое участие в семействе Киреевых, поместил в пажеский корпус будущего писателя. В 1855

Окрестности с. Заводо-Успенского. Начало XX в.

г. последний произведен из камер-пажей в корнеты лейб-гвардии Конного полка». Слово «известный» было подчеркнуто.

Наконец, не случайно мы называем нашего героя сельским интеллигентом. Волостной писарь Киреев жил в деревне, имел хозяйство, и потому практические вопросы также входят в круг его интересов. Приведём лишь некоторые из них:

«Против тараканов бурю нагревают на сковородке до тех пор, пока она совершенно не разрыхлится, затем растирают в ступке в мельчайший порошок и просеивают сквозь частое сито. К такому порошку буры прибавляют равное количество хорошо высушенной и тоже просеянной гороховой муки и мелко истолченного, просеянного и высушенного сахара. Все это тщательным образом размешивается и превращается в однообразный порошок. Небольшое количество которого насыпают в продающиеся специальные пульверизаторы, из которых вдувают приготовленное вещество в щели с тараканами и кладут там, где больше всего появляются тараканы».

«Средство узнать, где копать колодец, чтобы наверня-

Окрестности с. Заводо-Успенского.
Начало XX в.

ка достать воду. Если в июне, июле и августе на пологих балках (ярах), когда всюду царит засуха, оказываются места, покрытые густой свежей травой, то это верный признак, что в таком месте на незначительной глубины есть подпочвенная вода».

«В Германии так хранят картофель: в помещении, где картофель не может замерзнуть, на пол насыпают негашеной извести, слой измельченной, затем кладут ряд картофеля и снова засыпают известью, опять картофель и т.д. При таком хранении картофель не прорастает и начавший уже портиться (перестает) выздоравливает. Таким способом можно всю зиму сохранить молодой картофель».

«Чтобы улучшить качество молока, надо задавать коровам от 1/3 до <...> ф. овса на голову в день».

Для волостного писаря актуален был и рецепт приготовления хороших чернил:

«Можно хорошие чернила готовить из сандала, для этого берут 3 золотника экстракта синего сандала, $1\frac{1}{2}$ золотника квасцов, 3 золотника декстрина и 195 золотников воды. Экстракт сандала растворяют в ступе и к нему понемногу прибавляют воды до совершенного растворения экстракта. Декстрин растворяют в горячей воде. Ра-

створ квасцов готовится отдельно в холодной воде».

Таким мы увидели нашего героя — крестьянина села Больше-Кусерякского Кротовской волости Ишимского уезда Тобольской губернии писаря Червишевского волостного правления Ефима Яковлевича Киреева. Вернее, таким он предстал нам со страниц написанной им книги. Один из миллионов таких же «маленьких людей», песчинка на просторах истории...

Приложения

Мы предлагаем вниманию читателя несколько документов из «Книги...» — свидетелей описываемых нами событий. Все документы представляют собой копии, сделанные рукой Е.Я. Киреева. Документы публикуются полностью, без купюр. Орфография и пунктуация оригинала сохраняются.

№ 1

Письмо М.М. Созоновой своему мужу Е.Я. Кирееву
с. Заводоуспенское 24 августа 1915 г.

Здравствуй дорогой мой Емо. Я получила от тебя 120 рублей и получила посылку и получены документы. Сена у меня поставлено 45 копен. Пестрену еще не продала. Хотела я продавать ее, но старуха не дала мне продать. Хочет совсем отобрать. Но я все таки не даю ее взять совсем. Я ездила к Крестьянскому Начальнику. Крестьянский Начальник мне сказал, что она не имеет права отобрать и приказал что ты ее даже можешь не пускать к себе. А Степан Дымской свидетельствуют, что корова старухина и Овчеренушко. Но не знаю чья теперь возьмет. Но мне попуститься нельзя коровой. Ежели оне корову отберут то и дом тоже должны отобрать поэтому. Затем Ема ты напиши в Червишевскую волость письмо Павлу Ивановичу, чтобы он мог распорядиться. Емо я тебе пишу на каждое письмо ответ даю, но только

три письма пропустила ты сам не велел. Милый Ема жизнь моя не спокойная один только грех стоит у нас. От неприятности я болею и не могу ничего заработать все добиваются хотят в дом зайти. Которые я деньги от тебя получила они в банке 100 руб., а 20 руб. себе взяла на расходы. Ема я тебе пишу, что мне остается 2 месяца ходить; затем еще Ема у нас хлеб из рубля не выходит. Хлеб у нас очень плохой изрос от дождя. Дешевле рубля наверно не будет. Ема ты все таки живешь Слава Богу ничего, а товарищи твои которые убиты, а которые ранены. Я Ема молюся каждый день чтобы ты был живой и вернулся ко мне на всегда и не редко подаю нищим милостинку по тебе что бы молились Богу за тебя. Прощай дорогой мой муж Ема, целую тебя несколько раз.

Ема прощай желаю здоровья и скорого успеха в делах.
Твоя Мария С. Августа понедельник 24 числа.

Адрес на конверте написан той же рукой:
Успенская писчебумажная фабрика

Г. Гусятин

Ив. Ег. Ятес

с. Заводо-Успенское Тюменского уезда

Действующая армия, 132 Маршевый запасный батальон
в 3-ю роту Ефиму Яковлевичу Г-ну Кирееву

Приложена печать почтовой конторы «ст. Кармак Омской
железной дороги 25-8-15 г.

С подлинным верно:

№ 2

Письмо М.М. Созоновой своему мужу Е.Я. Кирееву
с. Заводоуспенское 25 августа 1915 г.

Здравствуй дорогой Емо!

Давненько я не писала тебе, слава Богу теперь опять можно писать, а то иногда очень хочется поговорить с тобой, хотя письменно, но и этого некоторое время нельзя было. Вчера 24 Августа я отправила тебе письмо, написанное Кланей (повара дочерью) не знаю дойдет нет до тебя, т.к. пишет она не грамотно, а сегодня опять пишу, надеюсь что это письмо найдет тебя.

Ты спрашиваешь все о деньгах и посылке которые отослал мне, я несколько раз писала о получении их, т.е. всего, что послал. Деньги положила в банк, книжку взяла на свое имя банковую.

Сена поставила 45 копен, тоже писала об этом, не знаю дошли или нет те письма. Пеструю корову я продала Ив. Логину за

40 руб., дело только за тем, что ее угнать. Напишу еще то, что все лето я не чувствую себя здоровою и мало работала.

Тебе тяжело живется милый Емо, не думай мне тоже не сладко. Все неприятности, недоразумения это все и разстраивает и без того слабое здоровье. Теперь жаловаться не буду разстраивать тебя, а приедешь сам узнаешь в чем дело. Тебе писали обо мне всякую гадость, но ты не верь не то у меня на уме, не пиши им ругательных писем, а то с их стороны будет злоба, приедешь Бог даст увидишь и скажешь им сам. Зовут они меня скупой, но я ни одной копейки не истратила зря.

У меня в доме живут Трофим Мих. коморщик бывший из сборной, держу их бесплатно, для веселья все таки не одна.

Ходить мне еще $2\frac{1}{2}$ месяца, пишу чтобы ты знал об этом. Вчера Трофим сделал к вышке створку, чтобы снег не попадал. Пока писать нечего, желаю тебе быть здоровым и рано или поздно вернуться домой.

Остаюсь любящая тебя, твоя Маня.

Адрес: Действующая армия

132 Маршевый запасный батальон в 3-ю роту

Ефиму Яковлевичу Кирееву.

Приложены штампы почтовых контор

1) Ст. Кармак Омской жел. дор. 25-8-15 г.

2) Полев. Главн. почт. конт. Петроград
31-8-15 г.

С подлинным верно:

№ 3

Письмо М.М. Созоновой своему мужу Е.Я. Кирееву

с. Заводоуспенское

5 октября 1915 г.

Здравствуй Емо!

5 Октября получила твое письмо от 20-го Сентября.

Слава Богу, что ты жив и здоров, я только этого и желаю.

Вернешься заживем опять тихо мирно как жили до этой разлуки.

Бабушка подавала на меня в Суд из за коровы в воскресенье на той неделе меня призывали на Суд, но я не поехала, отписав, что я не имею возможности ехать благодаря своему положению беременной женщины.

Дрова я вывезла. Сено наняли возить бабу Улиту толстую из Скородума. Выпадет дорога будет возить она.

Дверь не отделяваю, замазала сама и только. Да и вздумать делать то не кого нанять и дорого. Лес который ты приготовил на двери не годится плохой.

Купила не давно соломы 3 воза по 1 рублю за воз с привозкой.

Солома хорошая. Мне интересно пишут нет тебе из дому — братья и бабушка. Я хочу тебя спросить можно нет сделать железную печку из того железа, которое есть у нас. Напиши мне об этом, а то зимой холодно будет с одной то печкой. Больше пока писать нечего.

Остаюсь любящая тебя твоя Мария С.

Адрес:

Действующая армия Юго Зап. фронта канцелярия 1022
вольнонаемного пароконного транспорта Ефиму Кирееву.

Приложены штемпеля почтовых контор

1) Ст. Кармак Омской жел. дор. 24-10-15 г.

2) Полевая Гл. почт. контора Петроград 29-10-15 г.

3) Кельменцы Бес. 4-11-15 г

С подлинным верно:

№ 4

Письмо Н.Я. Киреева брату Е.Я. Кирееву

с. Заводоуспенское

2 апреля 1916 г.

1916-го года 2 Апреля

Здравстуй Ефим Яковлев. Кланяемся Мы все вообще вам понизкому поклону и желаем быть здоровым уведомляем вас отом что документ ваш Мы получили покторому вы говорите что можно будет выкупить из ЛАМбарда лопоть или одежду получили 1 Апреля но Мы сичас не знаем проданы нет в Амбарде лопоть после Пасхи поедем в Город и узнаем все если не Продана то выкупим постараемся это дело исполнить. А здесь что ваше находилось какие вещи все дочиста распродал Становой Пристав даже все ящики и что находилось в ящиках все до нитки продали и также скота всего вашего продали остался только один дом еще непродан нам охото дом отстоять чтобы нипродали до вас, я ваш брат Никита нидавал сперва продавать ваши вещи но мне становой сказал что все потписано Марие Созоновой. Только одну Корову пестру Мать охлопотала еще при живности Марии и дней была копия с суда дак ее не продали отдали Маме

Остался у вас еще одни толко дом не продан дак нужно об нем хлопотать вам самим лутче потому что и эти вещи проданы не вправеле мы уже это дело поняли

Остаемся все живы и здоровы того вам желаем От Господа Бога добраго здоровья

Н. Киреев